

сти въ нечто большее и болѣе одухотворенное, чѣмъ русскій консерватизмъ¹⁾.

Всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ мы, кажется, достаточно уяснили, что въ „Войнѣ и Мирѣ“ были заложены всѣ начала, вызвавшія впослѣдствіи то черное *taedium vitae*, которое одно время совсѣмъ грозило поглотить Толстого и которое потомъ напло свой выходъ въ „Исповѣди“ и въ послѣдовавшей за ней дѣятельности яснополянского мыслителя.

* * *

Передъ нами прошла величавая эпопея освободительной войны, отразившаяся въ головѣ и кисти мыслителя-художника. Не мертвые цифры и экономическое изслѣдованіе, не анекдотическое бытописаніе и не „патріотическій“ громъ побѣды,—все это отвергнуто Толстымъ:—великая историческая эпопея представлена передъ нами, какъ психологическое переживаніе. Для Толстого всѣ проявленія исторіи — это прежде всего проявленія души, а потомъ уже тотъ или иной поступокъ, то или иное массовое движение, историческое событие. „Стану ли я отъ этого счастливѣе, лучше?“—вотъ тотъ вопросъ, который Толстой въ качествѣ судьи и едлагаетъ историческому процессу и его участникамъ. И если къ историкамъ врядъ ли, то къ Толстому навѣрно могутъ быть отнесены слова Зиммеля: „Даже явленія материальныя, какъ построеніе храма св. Петра, или прорытіе сен-готтардскаго туннеля, интересуютъ историка исключительно какъ воплощеніе психическихъ, душевныхъ событий, какъ точки пересѣченія волевыхъ, интеллектуальныхъ и чувственныхъ рядовъ“²⁾.

И въ этомъ мощь и своеобразіе Толстого.

Но это наложило свою печать и на дальнѣйшее творчество великаго писателя. „Великая личность“ провалилась на судѣ духа, она сдѣлалась маленькой, „слишкомъ-человѣкомъ“. Для Толстого-художника со времени написанія „Войны и Мира“ больше непонятны тѣ историческія эпохи, въ которыхъ отдѣльнымъ лицамъ приходилось играть особо важную роль, онъ почти религіозно ненавидитъ такія эпохи, какъ проявленія безмѣрной гордыни человѣческой. И съ этой точки зрѣнія намъ становится ясна причина, по которой Толстому пришлось бросить начатый имъ романъ изъ эпохи Петра Великаго. „Лѣтомъ 1873 года,—рассказываетъ Берсъ:—Левъ Николаевичъ прекратилъ изученіе этой

1) Разрывъ Толстого съ Катковымъ, ред. „Русск. Вѣсти“, именно на почвѣ „Войны и Мира“, могъ бы служить вѣшнимъ доказательствомъ этого.

2) Georg Simmel „Die Probleme der Geschichtsphilosophie, S. 4.